

ТРАГНИЙ отъезд, а точнее, отлет выдался у нас с Юрием Бондаревым из Амстердама. Впрочем, не только отъезд, но и само наше появление в Голландии. Было это уже несколько лет назад, когда в Союз писателей пришло приглашение не то на литературный фестиваль, не то на встречу голландских литераторов с советскими писателями. Мы ответили согласием, но, пока собирались к отлету и оказались на амстердамском аэродроме, что-то случилось такое, из чего, едва мы сделали первые шаги по голландской земле, стало ясным, что никакой встречи, никакого фестиваля в Голландии нет, все отменено. Сказал нам об этом Роб Роземунде, один из организаторов предполагаемой встречи. Аэродром в чужой стране — не чужой порог, перешагнув который, можно мгновенно вернуться в себя. Поэтому мы и остались в Голландии на четыре дня. И не жалели.

Встречи, частные встречи с литераторами все же состоялись. Понаблюдали мы и мелководное устье Рейна. Ужаснулись страшнейшим по бесстыдству картинкам ночной жизни Амстердама. Побывали на художественных экспозициях. Увидели впервые подлинник «Ночного дозора» Рембрандта. Дали несколько интервью. Одним словом, ни один час не пропал даром, все четыре дня были заполнены до краев. Мне же было чрезвычайно интересно впервые быть вместе с человеком, вошедшим в писательскую когорту уже в послевоенное время, но прошедшим военную школу в артиллерии в суровых боях под Сталинградом.

Для поколений наших литераторов тридцать лет разницы — довольно большой срок. Когда началась война, Бондареву было всего 17 лет. В 1942 году он хлебнул полной мерой, двумя горстями горечь отступлений и вместе с тем познал сладчайшее чувство незыблемости своей земли на тех километрах и метрах, где захлебнулись, не продвинулись дальше вперед стальные чудовища Манштейна, укрошенные в сталинградской степи такими же юношами, каким был и сам Юрий Бондарев и его товарищи. До этого они (именно они) не знали еще, что такое победа. Одна победа уже была, важная и незабываемая. Победа под Москвой в декабре 1941 года. Она была и не могла уйти из памяти. Но здесь все же было все другое — была степь. Были мороз и ветер. Были артиллерия и противотанковые ружья. А главное — безумная храбрость. Те, кто остался жить после этой битвы, уже не могли никогда сдать сердцем, чувствами, идеями. Это было не только крещение огнем и сталью, но и рождение нового душевного качества, когда из почти мальчишек, минуя юность, люди становились мужчинами и, пусть с горечью и памятью о погибших, уходили навсегда в иные просторы жизни.

Может, я ошибаюсь, но, думая о творческом пути (очень хочу сказать по-убийственному — замечательном пути) Юрия Бондарева, я никак не могу уйти от мысли, что и писатель такого высокого мужества, каким является Бондарев, мог родиться так же там, в сталинградских степях, как и рождался те, кого командармы награждали, удивляясь про себя их беззаветному героизму, там же, на безмолвном поле боя, которое с равным успехом можно было называть и полем смерти, и полем славы.

...А улетали мы все же из Амстердама странно, не потому, что не состоялась встреча, согласно присланному приглашению, а потому, что в аэропорту вертелся какой-то горемыка фоторепортер из местной газеты; вертелся возле нас, время от времени отзывая Роб Роземунде в что-то его спрашивая. От нас не могла укрыться некая смущенность нашего провожающего. Помнится, кто-то из нас спросил Роба: а что, собственно, этому горемыке нужно?

— А вы не рассердитесь? — вопросом на вопрос ответил Роб.

— Нет, конечно.

— Он ждет, не попросите ли вы вместе или один из вас политического убежища, — сказал все же несколько смущенно Роб.

Трудно было принять всерьез эту глупость. Кажется, именно в эту пору исчезли в океане небытия Анатолий Кузнецов — он же «господин Анатолий» — и еще несколько околосовременных писателей.

...Я посмотрел на Бондарева — лицо его не выражало ни гнева, ни удивления. Но было в его глазах что-то такое, от туда, от сталинградских степей конца 1942 года. Как отражение давних, последних залпов.

не может, ибо у него и талант иной (именно талант, а не способности), и мир он видит по-своему, и опыт жизни совсем иной. Думая последние годы все больше о Юрии Бондареве, я как-то не могу назвать его точных «прародителей». И вместе с этим не могу для себя не отметить какую-то, может, порой и жесткую, его пылкость и человечность. Надо очень любить человека для того, чтобы на поле боя отнестись так безжалостно к героям «Горячего снега», не боясь обвинений в объективизме. Но бондаревский объективизм очень субъективен, ибо он судит о людях не только по их воинскому подвигу или месту в жизненной позиции, но и по объективному значению и самого человека, и его подвига, и его места в жизни.

Года три тому назад в издательстве «Советская Россия» в серии «Писатели о творчестве» вышла книжка Бондарева «Взгляд в биографию». Читать эту книгу чрезвычайно интересно, так как именно в ней, пожалуй, больше, чем в критических и литературоведческих работах о

лицо несколько даже задорно-детским, и рассказывал о давних и жестоких боях на Днепре».

Подробно и неторопливо рассказывал Ластовский Бондареву о том, как погибла почти вся усиленная рота, которой он командовал: из 140 человек погибли 133. Сам по себе этот рассказ, который в журналистике обычно имеет один распространенный эпитет «бесхитрый», является сгустком драматичнейших и кровавых событий. Прост и безыскусен был рассказ Ластовского, сообщившего Бондареву о том, что один журналист сказал ему, что о подобном он книжку написал...

«— Да, очень похоже, — ответил я, вновь поражаясь сложнейшим и трагическим ситуациям на безымянных днепро-вских плацдармах, таких многочисленных тогда.

— Вы Красного Знамени за Днепр получили? — опять мысленно обращаясь к плацдарму-отмели, спросил я, глядя на планочки под лацканом его пиджака, на которых заметил ленточку этого ордена.

— Нет, — махнул крупной рукой Ластовский. — Три дня только и отдохнули мои ребята. А потом — наступление от

В нескольких местах ударная армия Манштейна — танки генерал-полковника Гота — прорвала нашу оборону, приблизилась к окруженной группировке Паулюса на шестьдесят километров, и немецкие танковые экипажи уже видели багровое зарево над Сталинградом. Манштейн радиоразговаривал Паулюса: «Мы придем! Держитесь! Победа близка!»

Но они не пришли. Мы выкатывали орудия впереди пехоты на прямую наводку перед танками. Железный рев моторов врывался нам в уши. Мы стреляли почти в упор, видя так близко круглые зевы танковых стволов, что казалось, они нацелены были в наши зрачки. Все горело, рвалось, сверкало в снежной степи. Мы задыхались от наползавшего на орудия мазутного дыма, от ядовитого запаха горелой брони. В секундных промежутках между выстрелами хватили пригоршнями очерненный снег на броне, глотали его, чтобы утолить жажду. Она жгла нас так же, как радость и ненависть, как одержимость боя, ибо мы уже чувствовали — кончилась пора отступлений.

Это надо было все вынести, увидеть, почувствовать и оставить в сердце и в памяти на многие годы вперед. В этом случае уже потом не была страшна и профессия писателя, забронированная от неожиданных скачков в сторону бочкотары. Герой не позволяет. И сам писатель никогда не осквернит памяти тех, с кем он рядом, еще юношей, сражался не за письменным столом, а на заснеженной, продуваемой насквозь морозным ветром сталинградской степи.

За свои первые пятьдесят лет Юрий Бондарев прошел большой, пылкий, полный исканий и тревог путь. Он действительно пылливо и глубоко забирался в философскую и вместе с тем предельно жизненную сущность явлений. Вслед за рассказами, вслед за повестью «Юность командиров», Бондаревым написаны повести «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Родственники», романы «Тишина», «Двое» и «Горячий снег».

Трудно оценить все эти произведения однозначно, ибо от книги к книге писатель глубже видел мир и каждый раз, соответственно пониманию этого мира, изображал своих героев, их радости и страдания, их надежды и тревоги. Я далек от того, чтобы сравнивать одну книгу с другой. Те, кто постоянно в работе, кто живет и постоянно чувствует горячее дыхание времени, прекрасно знают, как сложен этот путь, когда, оглянувшись, ты уже как бы иными глазами смотришь на своих героев, смотришь и понимаешь одновременно, что в ту, иную пору, когда они рождались, ты и не мог их изобразить иначе, ибо они продукт своего времени, результат меры таланта писателя, опять же того времени, когда они написаны.

Не хочу сравнивать, — да и как можно это делать, когда писатель постоянно находится за письменным столом?! — но не могу не высказать еще раз своего особого восхищения романом «Горячий снег». Впрочем, мне снова хочется вернуться к аэродрому, но уже не амстердамскому, а на этот раз варшавскому. Так совпало, что газета «Литературная Россия» попросила меня написать эту «юбилейную» статью перед самым моим отъездом в Польшу к Народную Республику. Глубоко любя Юрия Бондарева и его творчество, я согласился, вместе с тем понимая, что писать эту статью мне придется во время десятидневной поездки по Польше, в которую я отправлялся по приглашению самого популярного в республике журнала «Панорама».

Пересаживаясь с поезда на самолет, идущий в Катовице, мы разговорились с редактором журнала Станиславом Соколовским и с сотрудницей журнала Эльвирой о новостях советской литературы. И, когда я назвал в числе других полюбившихся советским читателям романов последних лет «Горячий снег», Эльвира воскликнула:

— О, да! О, да! Это тот случай, когда мнение литературной критики полностью совпадает с мнением читателей!

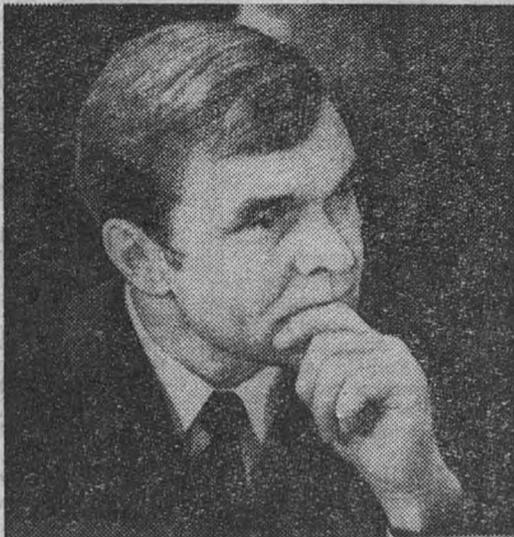
Через несколько дней из Катовице мы перебрались в город Вислу, один из горных курортов Силезии, где расположены многие дома отдыха горняков. День нашего приезда совпал с Днем Советской Армии. Машинально просматривая программу показа кинофильмов, мы обратили внимание на то, что два дня подряд в этом доме демонстрируется фильм «Горячий снег».

Зигмунд, директор дома, сказал нам:

— Все, что делает Юрий Бондарев, польские шахтеры любят... Они восторженно смотрели и киноопею «Освобождение». Им глубоко по душе героизм советских солдат, показанный на экране. Мы знаем, товарищ Бондарев принимал активное участие и в этом фильме, и в Отечественной войне...

Что еще можно добавить к этим словам?

Впрочем, пожалуй, можно... В добрый день пятидесятилетия пожелать новых книг, которые всегда ждут читатели от одного из своих любимых писателей. И не просто ожидать новых книг, но и любить Юрия Бондарева за его вечную верность героям, которых он так хорошо знает, любит и понимает.

К 50-летию
со дня
рождения
Юрия
Бондарева

ВЕРНОСТЬ ГЕРОЯМ

Анатолий СОФРОНОВ

творчестве писателя, он сам приоткрывает не только завесу над тем, что ему как одному из самых крупнейших и талантливых писателей современности свойственно, но и рассказывает о чем-то таком, что выходит далеко за пределы обыкновенного литературного творчества. В этой небольшой книжке есть открытия не просто литературные. Не могу не привести слова Юрия Бондарева из его статьи «Мои читатели»:

«Если бы кто-нибудь из писателей-фронтовиков, вследствие усталости от прошлого двадцатилетней давности, заявил нам, что с памятью о войне покончено, что он, этот писатель, не желает помнить и знать о трагических годах недавней истории, не хочет тревожить себя воспоминаниями, а хочет лишь жить, отрезав прошлое, и наслаждаться сиюминутным покоем, то никто не осудил бы его за усталость. Его осудили бы за предательство памяти всех павших на полях сражений».

Почему мы снова пишем о второй мировой войне? Не потому, наверное, что слабость рода людского — болезнь смерти, и не потому, что инстинкт самосохранения господствует над разумом. Нет, мы помним о войне потому, что человек — величайшая ценность данного мира, а его мужество и свобода его — это освобождение от страха, от зла, которые разъединяют людей».

Превосходна и другая статья писателя — «Герой из повести», в которой, собственно, почти нет размышлений о творчестве, а есть неистребимая пылкость писателя к угадыванию людей. В статье рассказано о том, как писатель встретился с капитаном Владимиром Павловичем Ластовским, ныне работающим слесарем-механиком по ремонту тепловозов. Один из журналистов по телефону спросил Бондарева, знаком ли ему имя Ластовского, чрезвычайно напоминающего одного из героев повести «Батальоны просят огня». Писатель ответил, что имя ему это незнакомо, но все равно он готов с ним встретиться. И вот:

«Он сидел напротив меня за столом, еще по-молодому телесно крепкий, себребристо тронутый сединами, с большими, какими-то добрыми руками (на которые я почему-то все время смотрел), не без достоинства сдержанный, только будто нечаянная улыбка делала его крупное

Вышгорода на Киев. Мне опять роту дали. Ну, наступление, сами знаете: вперед и вперед, тут не до наградных. Этот орден за Яссы...»

Я привел эти три, довольно большие цитаты для того, чтобы выдать был смысл особой привлекательности творчества Юрия Бондарева для сотен и сотен тысяч читателей, привлекательности и, при всей неповторимости в лучших случаях, распространенности, а если еще точнее — типичности его образов. Порой мы бнемся этого определения, словно бы в него входят понятия всеядности, однообразия. Но если уж когда-либо сталинградская степь и все сопутствующие раскрытию характеров героев бондаревского романа обстоятельства могли быть типичными, то и сами образы в этих обстоятельствах при всей несхожести этих характеров являются типичными.

Наверно, для каждого из нас слились воедино герои Бондарева и в романе, и в превосходном фильме. Лейтенант Кузнецов, Зоя Елагина, генерал Бессонов, член Военного Совета Веснин, и еще, и еще другие, обыкновенные как будто люди, на которых и мы, и после нас уже иные поколения будут смотреть, воздавая про себя сердечную благодарность писателю, сохранившему в своих героях их простоту, объемность и земность и вместе с тем поднявшему их высоко и зримо в глазах всего человечества.

В самом деле, что иное можно сказать о целой галерее образов романа «Горячий снег»?

«Я хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо чернотой соединилось с землей, и эти песочного цвета стада танков в снежной степи, ползущие на наши батареи. Я помню расналенные стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет, лязг гусениц, распахнутые телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки заряжающих, черный от копоти пот на лицах наводчиков, черно-белые смерчи разрывов, покачивающиеся стволы немецких самоходок, скрещенные трассы в степи, жаркие ностры подожженных танков, чадающий нефтяной дым, застилавший тусклый, словно суженный пятноч морозного солнца».